

ИЛЛЮСТРАЦИИ К
СКАЗКЕ А.
ПОГОРЕЛЬСКОГО
«ЧЁРНАЯ КУРИЦА,
ИЛИ ПОДЗЕМНЫЕ
ЖИТЕЛИ»

В иллюстрациях
М. Бычкова

«...к этому дому принадлежал довольно просторный двор, отделенный от переулка деревянным забором из барочных досок. Ворота и калитка, кои вели в переулок, всегда были заперты, и поэтому Алеше никогда не удавалось побывать в этом переулке, который сильно возбуждал его любопытство. Всякий раз, когда позволяли ему в часы отдыха играть на дворе, первое движение его было - подбегать к забору. Тут он становился на цыпочки и пристально смотрел в круглые дырочки, которыми был усеян забор. Алеша не знал, что дырочки эти происходили от деревянных гвоздей, которыми прежде сколочены были барки, и ему казалось, что какая-нибудь добрая волшебница нарочно для него повертела эти дырочки. Он все ожидал, что когда-нибудь эта волшебница явится в переулке и сквозь дырочку подаст ему игрушку, или талисман, или письмоце от папеньки или маменьки, от которых не получал он давно уже никакого известия».

«Вдруг сердце у Алеши еще сильнее забилось: ему послышался голос любимой его Чернушки! Она кудахтала самым отчаянным образом, и ему показалось, что она кричит:

Кудах, кудах, кудуху!

Алеша, спаси Чернуху!

Кудуху, кудуху,

Чернуху, Чернуху!

Алеша никак не мог более оставаться на своем месте. Он, громко всхлипывая, побежал к кухарке и бросился к ней на шею в ту самую минуту, как она поймала уже Чернушку за крыло».

«Между тем отворили настежь все двери; и учительша начала приседать в ожидании столь почтенного гостя, который вскоре потом показался. Сперва нельзя было видеть его за толстою учительшею, стоявшею в самых дверях; но когда она, окончив длинное приветствие свое, присела ниже обыкновенного, Алеша, к крайнему удивлению, из-за нее увидел... не шлем пернатый, но просто маленькую лысую головку, набело распудренную, единственным украшением которой, как после заметил Алеша, был маленький пучок! Когда вошел он в гостиную, Алеша еще более удивился, увидев, что, несмотря на простой серый фрак, бывший на директоре вместо блестящих лат, все обращались с ним необыкновенно почтительно».

«Он взглянул на стоявшую подле него кровать, немного освещенную
месячным сиянием, и заметил, что
белая простыня, висящая почти до
полу, легко шевелилась. Он
пристальнее стал всматриваться: ему
послышалось, как будто что-то под
кроватью царапается, и немного
погодя показалось, что кто-то тихим
голосом зовет его:

- Алеша, Алеша!

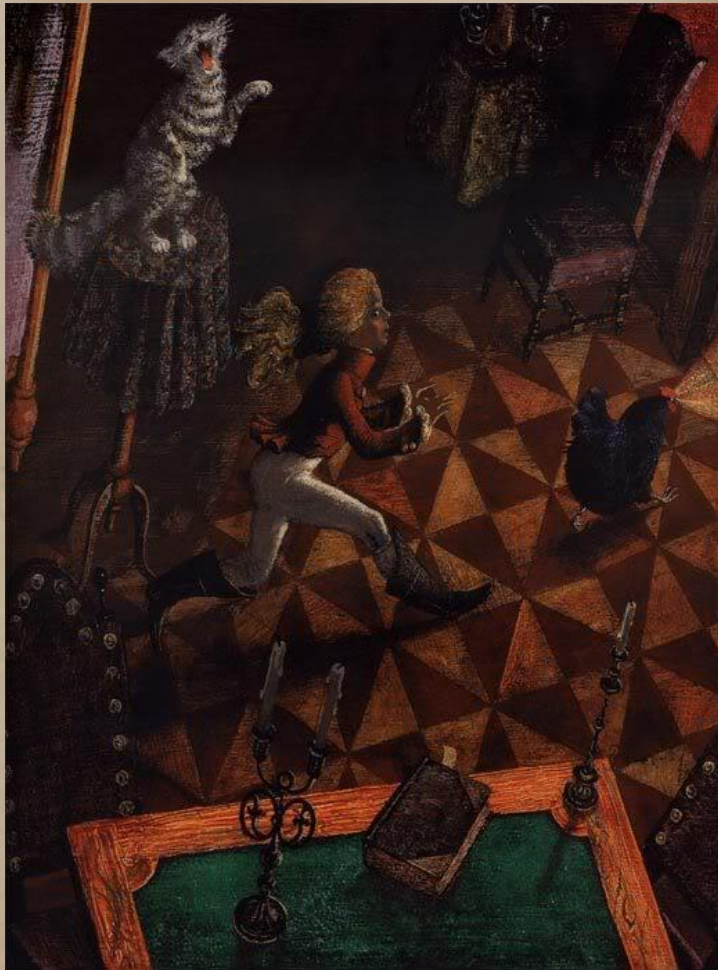
Алеша испугался! Он один был в
комнате, и ему тотчас пришло на
мысль, что под кроватью должен быть
вор. Но потом, рассудив, что вор не
назвал бы его по имени, он несколько
ободрился, хотя сердце в нем
дрожало. Он немного приподнялся в
постели и еще яснее увидел, что
простыня шевелится, еще внятнее
услышал, что кто-то говорит:

- Алеша, Алеша! Вдруг белая
простыня приподнялась, и из-под
нее вышла... черная курица!»

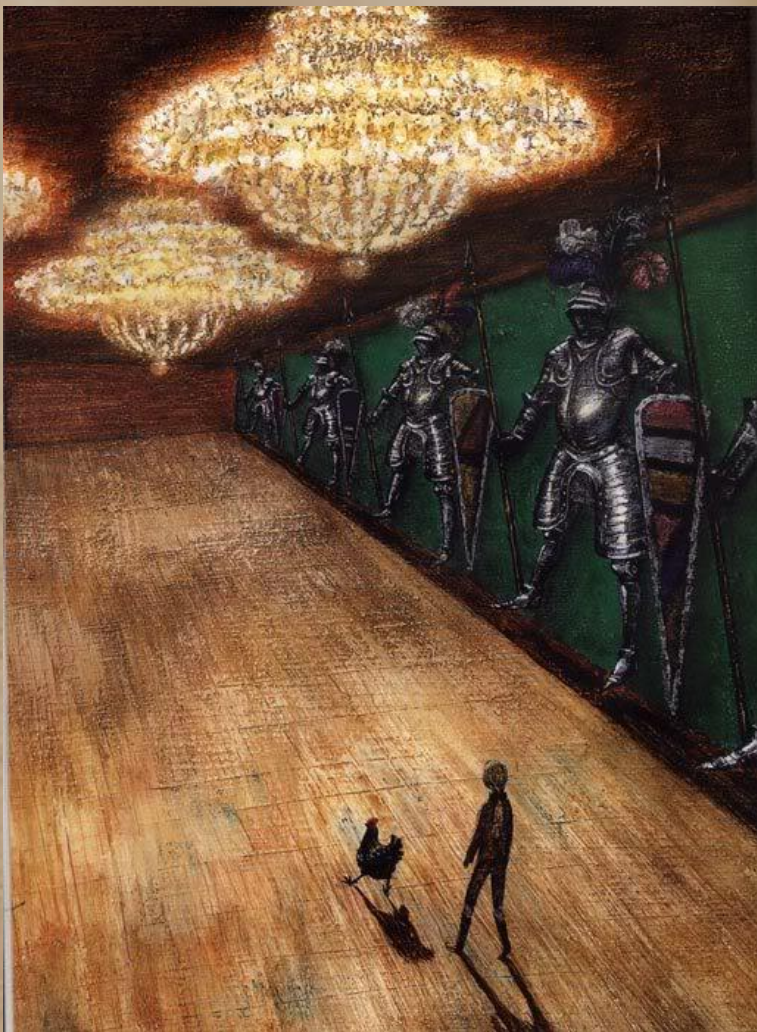

«- Если ты меня не боишься, - продолжала курица, - так поди за мною: я тебе покажу что-нибудь хорошенькое. ...Когда Алеша был готов, Чернушка опять закудаhtала, и все свечки исчезли. - Иди за мною! - сказала она ему. И он смело последовал за нею. Из глаз ее выходили как будто лучи, которые освещали все вокруг них, хотя не так ярко, как маленькие свечки. Они прошли через переднюю.

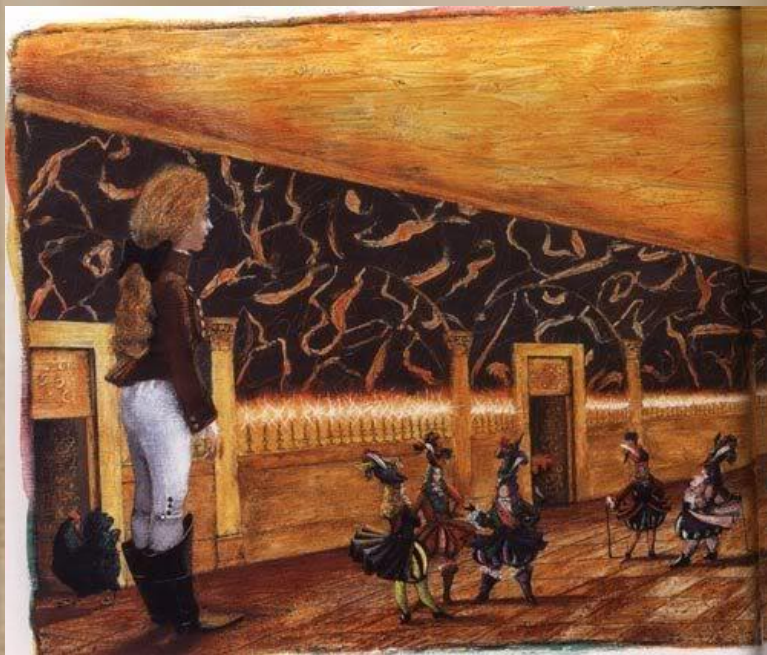
- Дверь заперта ключом, - сказал Алеша; но курочка ему не отвечала: она хлопнула крыльями, и дверь сама собою отворилась».

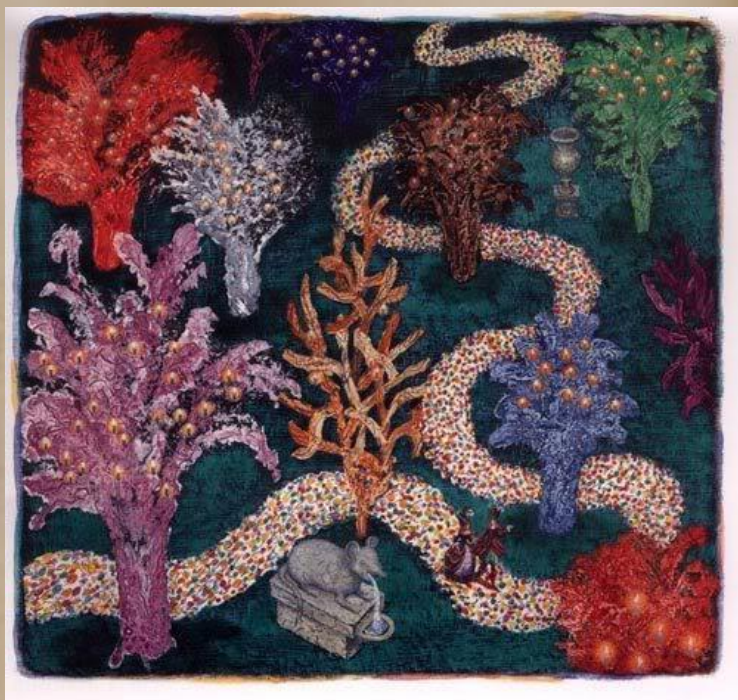
«- Не трогай здесь ничего, - сказала она. - Берегись разбудить старушек! Тут только Алеша заметил, что подле попугая стояла кровать с белыми кисейными занавесками, сквозь которые он мог различить старушку, лежащую с закрытыми глазами; она показалась ему как будто восковая. В другом углу стояла такая же точно кровать, где спала другая старушка, а подле нее сидела серая кошка и умывалась передними лапами. Проходя мимо нее, Алеша не могу терпеть, чтоб не попросить у нее лапки... Вдруг она громко замяукала, попугай нахохлился и начал громко кричать: "Дуррак! дуррак!" В то самое время видно было сквозь кисейные занавески, что старушки приподнялись в постели. Чернушка поспешно удалилась, и Алеша побежал за нею, дверь вслед за ними сильно захлопнулась...»

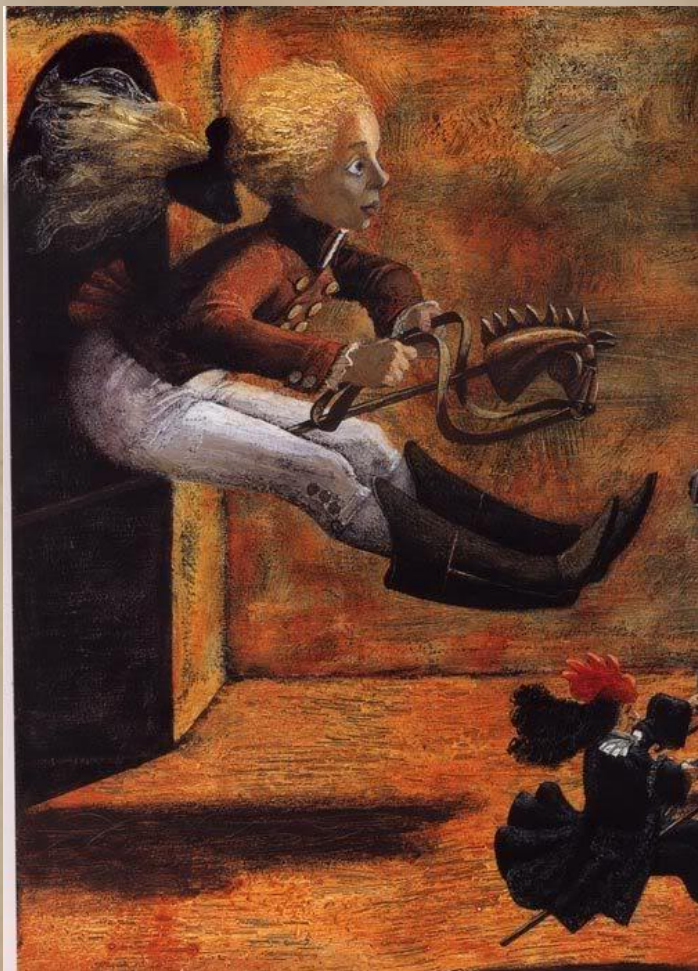
«Вдруг вошли они в залу, освещенную тремя большими хрустальными люстрами. Зала была без окошек, и по обеим сторонам висели на стенах рыцари в блестящих латах, с большими перьями на шлемах, с копьями и щитами в железных руках. Чернушка шла впереди на цыпочках и Алеше велела следовать за собою тихонько-тихонько... В конце залы была большая дверь из светлой желтой меди».

«...и вошло множество маленьких людей, ростом не более как с пол аршина, в нарядных разноцветных платьях. Вид их был важен: иные по одеянию казались военными, другие - гражданскими чиновниками. На всех были круглые с перьями шляпы наподобие испанских. Они не замечали Алеши, прохаживались чинно по комнатам, и громко между собой говорили, но он не мог понять, что они говорили. Долго смотрел он на них молча...»

«Сначала повел он его в сад, устроенный в английском вкусе. Дорожки усеяны были крупными разноцветными камешками, отражавшими свет от бесчисленных маленьких ламп, которыми увешаны были деревья. Этот блеск чрезвычайно понравился Алеше. - Камни эти, - сказал министр, - у вас называются драгоценными. Это все брильянты, яхонты, изумруды и аметисты. - Ах, когда бы у нас этим усыпаны были дорожки! - вскричал Алеша. - Тогда и у вас бы они так же были малоценны, как здесь, - отвечал министр. Деревья также показались Алеше отменно красивыми, хотя притом очень странными. Они были разного цвета: красные, зеленые, коричневые, белые, голубые и лиловые. Когда посмотрел он на них со вниманием, то увидел, что это не что иное, как разного рода мох, только выше и толще обыкновенного. Министр рассказал ему, что мох этот выписан королем за большие деньги из дальних стран и из самой глубины земного шара».

«- Вы обещались взять меня с собою на охоту, - сказал он. - Очень хорошо, - отвечал министр. - Я думаю, что лошади уже оседланы. Тут он свистнул, и вошли конюхи, ведущие в поводах палочки, у которых набалдашники были резной работы и представляли лошадиные головы. Министр с большой ловкостью вскочил на свою лошадь. Алеше подвели палку гораздо более других. - Берегись, - сказал министр, - чтоб лошадь тебя не сбросила: она не из самых смирных. Алеша внутренне смеялся этому, но когда он взял палку между ног, то увидел, что совет министра был бесполезен. Палка начала под ним увертываться и манежиться, как настоящая лошадь, и он насилу мог усидеть».

«Настал понедельник, съехались пансионеры, и начались классы. От десяти часов до двенадцати преподавал историю сам содержатель пансиона. У Алеши сильно билось сердце... Пока дошла до него очередь, он несколько раз ощупывал лежащую в кармане бумажку с конопляным зернышком... Наконец его вызвали. С трепетом подошел он к учителю, открыл рот, сам еще не зная, что сказать, и - безошибочно, не останавливаясь, проговорил заданное. Учитель очень его хвалил; однако Алеша не принимал его хвалу с тем удовольствием, которое прежде чувствовал он в подобных случаях. Внутренний голос ему говорил, что он не заслуживает этой похвалы, потому что урок этот не стоит ему никакого труда».

«В продолжение нескольких недель учителя не могли нахвалиться Алешею. Все уроки без исключения знал он совершенно, все переводы с одного языка на другой были без ошибок, так что не могли надивиться чрезвычайным его успехам. Алеша внутренне стыдился этим похвалам: ему совестно было, что поставляли его в пример товарищам, тогда как он вовсе того не заслуживал».

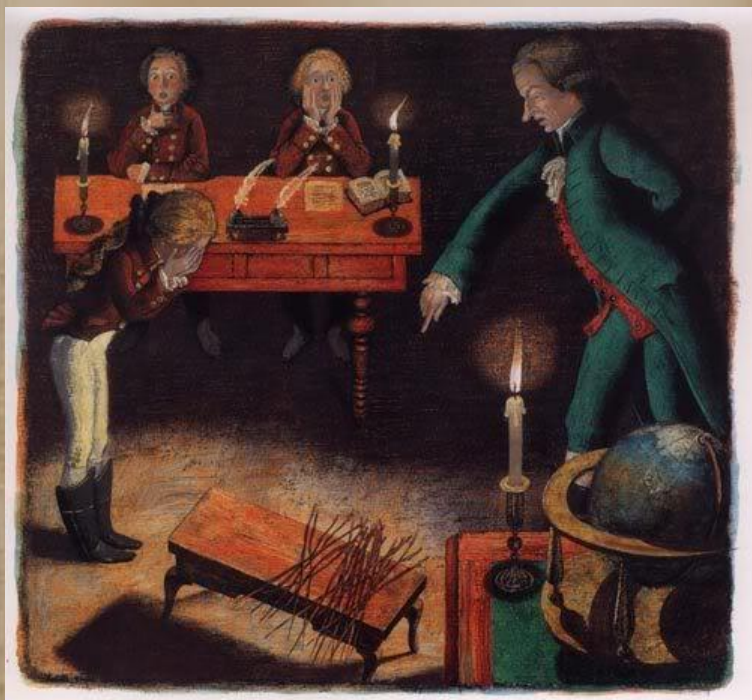
«В течение этого времени Чернушка к нему не являлась, несмотря на то, что Алеша, особенно в первые недели после получения конопляного зернышка, не пропускал почти ни одного дня без того, чтобы ее не звать, когда ложился спать».

«- Ах, Чернушка! - сказал Алеша вне себя от радости. - Я не смел надеяться, что с тобою увижусь Ты меня не забыла?

- Нет, - отвечала она, - я не могу забыть оказанной тобою услуги, хотя тот Алеша, который спас меня от смерти, вовсе не похож на того, которого теперь перед собою вижу. Ты тогда был добрый мальчик, скромный и учтивый, и все тебя любили, а теперь... я не узнаю тебя!

Алеша горько заплакал, а Чернушка продолжала давать ему наставления. Долго она с ним разговаривала и со слезами упрашивала его исправиться».

«Принесли розги... Алеша был в отчаянии! В первый еще раз с тех пор, как существовал пансион, наказывали розгами, и кого же - Алешу, который так много о себе думал, который считал себя лучше и умнее всех! Какой стыд!.. Он, рыдая, бросился к учителю и обещался совершенно исправиться...

- Надобно было думать об этом прежде, - был ему ответ.

Слезы и раскаяние Алеши тронули товарищей, и они начали просить за него. А Алеша, чувствуя, что не заслужил их сострадания, еще горше стал плакать».

«Еще в течение нынешней ночи король с целым народом своим должен переселиться далеко-далеко от здешних мест! Все в отчаянии, все проливают слезы. Мы несколько столетий жили здесь так счастливо, так покойно!»

«На другой день поутру дети, проснувшись, увидели Алешу, лежащего на полу без памяти. Его подняли, положили в постель и послали за доктором, который объявил, что у него сильная горячка».